

ДИНА ШИНИГАМОВА

Хеббл

КРОВЬ ДОМА
БАЗААРД
ТОМ I

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

МИО

*Добро пожаловать в Сат-Нарем.
Тебя здесь никто не ждет*

ДИЛОГИЯ «ХЕСКУ»

I

КРОВЬ ДОМА БАЗААРД
ТОМА 1–2

II

ТЕНИ САТ-НАРЕМА
ТОМА 1–2

«Хеску. Глубже в историю» Путеводитель по миру хеску

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Red Violet. Темные миры

ДИНА ШИНИГАМОВА

ХЕБЕКЧ

КРОВЬ ДОМА
БАЗААРД

Том I

Москва
МИФ
2027

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13
Ш62

Шинигамова, Дина

Ш62 Хеску. Кровь Дома Базаард. Том 1 / Дина Шинигамова. — Москва : МИФ, 2027. — 416 с. — (Red Violet. Темные миры).

ISBN 978-5-00281-359-9

Сат-Нарем — окруженный непроходимым туманом город двухсущных хеску.

Двенадцать твердынь царапают шпилями слепое небо, двенадцать кланов участвуют в идущей многие столетия смертельной Игре.

Правящая семья клана воронов оказывается на грани вымирания, и его Владыке приходится нарушить обещание, данное в свое время сбежавшей к людям дочери. Там, в человеческом мире, среди мобильных телефонов и компьютеров, он находит свою внучку — немую разноглазую полукровку, которой всего двенадцать лет, — и забирает с собой.

Теперь Лириан предстоит стать частью нового мира, где ее появлению никто не рад.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Книга не пропагандирует употребление алкоголя, табака, наркотических или любых других запрещенных веществ.

Согласно закону РФ приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, а также культивирование психотропных растений являются уголовным преступлением. Употребление алкоголя, табака, наркотических или любых других запрещенных веществ вредит вашему здоровью.

Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00281-359-9

© Шинигамова Д., 2027
© Оформление. ООО «МИФ», 2027

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

*Посвящается моему папе, который не успел узнать
о существовании этой истории,
и
Ире, без которой она не появилась бы вообще*

ТАК ЗВУЧИТ КРОВЬ

Two Steps From Hell — *Star Sky (instrumental)*
Malia J — *Smells Like Teen Spirit*
СЛОТ — *Круги на воде*
Billie Eilish — *Happier Than Ever*
Jack White — *Love Is Blindness*
polnalyubvi — *Твои глаза*
Kovacs — *My Love*
James Newton Howard — *Bedroom Dreams*
Poets Of The Fall — *Where Do We Draw the Line*
Lewis Capaldi — *Someone You Loved*
ZAYN feat. Sia — *Dusk Till Dawn*
Sigrid — *Everybody Knows*
Ludovico Einaudi — *Experience*
Fall Out Boy — *The Phoenix*
The Tech Thieves — *Fake*
Emeli Sande feat. Naughty Boy — *Daddy*
КАЗАКИ ДЕЛАЮТ ХИТЫ — *Мой ненаглядный*
Two Steps From Hell — *Armada*
Andy Black — *We Don't Have to Dance*
Klergy & Valerie Broussard — *Start a War*
Beatrice Piacentini — *Paint it, Black*

ПРОЛОГ

Четыре часа утра — время, когда улицы любого города в любом из миров тихи и пустыnnы.

Бархат ночи еще укрывает тенями дома, делая очертания зданий более угловатыми; еще стелется по улицам уютная тьма, стирая острые углы поворотов; еще кажется волшебным желтый свет фонарей, растворяющийся в окружающем мраке...

На асфальте еще не высохли лужи от недавно закончившегося дождя, и деревянная скамейка на автобусной остановке до сих пор влажная. Поэтому сидящий на ней мужчина то и дело недовольно кряхтит, чувствуя, как отсыревает плотная серая куртка, и пытается устроиться поудобнее.

В какой-то момент, словно решившись на что-то, он заносит над скамейкой раскрытую ладонь с растопыренными пальцами и несколько секунд сидит не шевелясь. Ничего не происходит, и мужчина со вздохом смиряется с неизбежным.

На вид ему лет шестьдесят пять. Добротные ботинки его уже слегка стоптаны, но еще крепки, из-под плоской клетчатой кепки виднеются короткие завитки седых волос.

Он сидит так, что лицо его остается в тени, скрытое даже от случайных глаз, и изредка поглядывает вдоль улицы, словно, забыв, какой сейчас час, надеется увидеть вдали свой автобус.

Она появляется из теней — неслышно отделяется от дома и, засунув руки в карманы узких брюк, идет вперед, глухо постукивая по асфальту каблуками сапог. На мгновение замирает на границе тени, будто не решаясь сделать последний шаг, но все же ступает в круг света.

Они с мужчиной смотрят друг на друга с любопытством, но в ее взгляде сквозит отчаяние, а в его — веселье.

— Шамáри Сипти, — произносит девушка, едва заметно склоняя голову в знак приветствия, и мужчина разражается отрывистым, твякяюще-лающим смехом.

— Уже много лет никто не называл меня *шамари*. — Кажется, он искренне забавляется, хотя на ее лице не появляется даже тени улыбки. — Да и имени я теперь лишен, — добавляет он чуть тише и уже без веселья.

— Вы лишены только имени семьи, — спокойно замечает девушка, прямо смотря на Сипти.

Тот тянет что-то нечленораздельное и, вытянув шею, чешет припорошенный седой щетиной острый подбородок.

— А ты, значит, Джабél, — наконец произносит он, глядя на нее из-под кепки. Тень все еще падает на его лицо. Девушка кивает. — Вот уж не думал, что буду болтать среди ночи с кем-то из вашего клана!

Джабел пожимает плечами, подходит к скамейке, хмурится, видя сырые пятна на деревянных брусках, и проводит над ними рукой. Мгновение ничего не происходит, а затем в воздух взвивается облачко тонкого пара, и Сипти чувствует, как высохшее дерево передает его старым костям свое тепло.

Джабел успевает поднять глаза на Сипти прежде, чем сам он успевает спрятать во взгляде зависть.

Некоторое время они смотрят друг на друга, откровенно разглядывая. Джабел наконец может изучить острые линии его лица, худобу, свойственную пожилым людям, и яркий изумруд глаз — и думает, что даже сто пятьдесят лет

в человеческом мире не стерли характерные для лисов черты. Сипти думает, что она — типичная представительница правящей семьи своего клана: оливковая кожа, унаследованное от множества поколений предков выражение превосходства во взгляде, угольно-черные волосы. Вопреки обычаям их родного мира, сейчас они не заплетены в сложную прическу из множества косичек, а свободно перекинуты через плечо, и легкий ветерок колыхает тяжелые пряди.

— Что же ты хотела, шеру́ Джабел? — церемонно спрашивает Сипти, намеренно используя словечко из языка их общей родины.

Джабел смотрит на него еще пару секунд, а потом наконец произносит:

— Хотела спросить, каково постоянно жить среди людей. Каково обходиться без истинного облика.

Веселье, пусть и притворное, сходит с лица Сипти, и взгляд его становится серьезнее.

— Трудно, — произносит он, и в интонации его слышится печальная искренность, — но возможно.

Джабел кивает, словно именно этого ответа и ждала. Отворачивается, смотрит на носы сапог.

— Не... — она, вынув руку из кармана, поводит ей в воздухе, подбирая подходящее слово, — не ломает?

Сипти коротко и невесело фыркает.

— Ломает. Но что тут сделаешь? Приходится терпеть. Потом... привыкаешь.

Он замолкает, тоже опустив взгляд себе под ноги, где свет фонаря на мокром асфальте рассыпался сотнями оранжевых искр. На короткое мгновение ему вспоминается прошлое: ощущение проносившейся под лапами земли, острота запахов, скорость, опьянение силой мышц при прыжке...

Сипти прикрывает глаза, возвращаясь в настоящее: две руки, две ноги, старческая дальноречность. Он человек. Человек.

Джабел смотрит на него с пониманием, почти с сочувствием. Он, не поворачиваясь, упирает взгляд в ночь и про-износит:

— Почему ты спрашиваешь?

Она вздыхает.

— Я думаю... возможно, мне придется остаться здесь.

— Ты хочешь покинуть Сат-Нарём?! — вскидывается Сипти. В голосе его удивление, непонимание, почти гнев.

— Не хочу, — поправляет его Джабел, — но, скорее всего, придется.

Она смотрит прямо в изумрудные глаза старика, пыта-ясь взглядом передать то, что недоступно словам.

— Неужели отец не может защитить тебя? — недовер-чиво хмурится Сипти.

— Есть вещи, над которыми даже Владыка не властен. — Джабел качает головой, снова глядя себе под ноги, и от нее расходится почти ощутимая волна горечи.

Какое-то время они молчат, каждый думая о своем.

— Какой теперь Сат-Нарем? — наконец произносит старик, пытаясь скрыть тоску по дому.

— Такой же, — Джабел практически не прячет улыбку. Ей понятен его вопрос. — Всюду туман, из которого тор-чат твердыни.

Он кивает: странно было бы ждать другого ответа. Но он надеялся на чудо — как и все они, как и их отцы, и отцы их отцов.

Повисает хрупкая тишина.

Джабел вздыхает и поднимает глаза к небу, следя, как быстро бегут по нему тучи, то скрывая звезды, то вновь яв-ляя их взгляду.

— Никогда не привыкну, что здесь есть луна, — на-конец признаётся она. — Все смотрю на нее каждый раз и не могу насмотреться.

Сипти фыркает.

— Скажи спасибо, что не на солнце смотришь. — Он испускает короткий смешок, слишком сильно похожий на твяканье. — Я первый раз паялся на него как дурак, тоже насмотреться не мог, потом полдня ходил как слепой.

Они смеются, чувствуя какую-то схожесть, неловкое родство мыслей. Джабел набирает воздуха, чтобы попрощаться, и, словно почувствовав это, Сипти произносит:

— Как... — Он откашливается. — Как там...

В его надтреснутом старостью голосе звучит немая просьба не заставляя договаривать фразу, и Джабел идет ему навстречу, обрывая вопрос:

— Отлично. Лисы лидируют в Игре.

Сипти удовлетворенно ухмыляется, от уголков губ бежит сеточка морщин.

— Удивительно, — говорит он как будто сам себе. — Значит, все действительно было не зря...

Джабел внимательно смотрит на него, пытаясь считать эмоции, но здесь, в мире людей, рядом с тем, кто фактически перестал быть собой, это труднее, чем дома.

Сипти кивает сам себе, словно наконец приняв что-то, поставив точку. Оборачивается к Джабел.

— Почему я, детеныш? Во внешнем мире есть и другие хёску.

Пропустив покровительственное обращение мимо ушей, Джабел наклоняет голову к плечу и улыбается:

— Потому что никому в голову не придет, что мы с вами можем разговаривать, сидя среди ночи на скамейке во внешнем мире.

Сипти хмыкает, кивает, соглашаясь. Через пару минут молчания Джабел все-таки встает, чтобы уйти.

— Благодарю, шамари Сипти, — произносит она, глядя на старика с неожиданным даже для себя теплом. — Пусть годы ваши будут долгими.

Старый лис качает головой:

— Не надо. Они и так слишком долги. Я уже устал.

Когда Джабел делает пару шагов за пределы пятна света, уже скрывшись в темноте ночи, уже вернувшись мыслями домой, Сипти окликает ее:

— Если есть хоть какая-то возможность, останься в Сат-Нареме.

Джабел оглядывается. Теперь, из тени, старик для нее как на ладони, а вот она укрыта мраком.

— Если бы она была, я бы не пришла с этими вопросами.

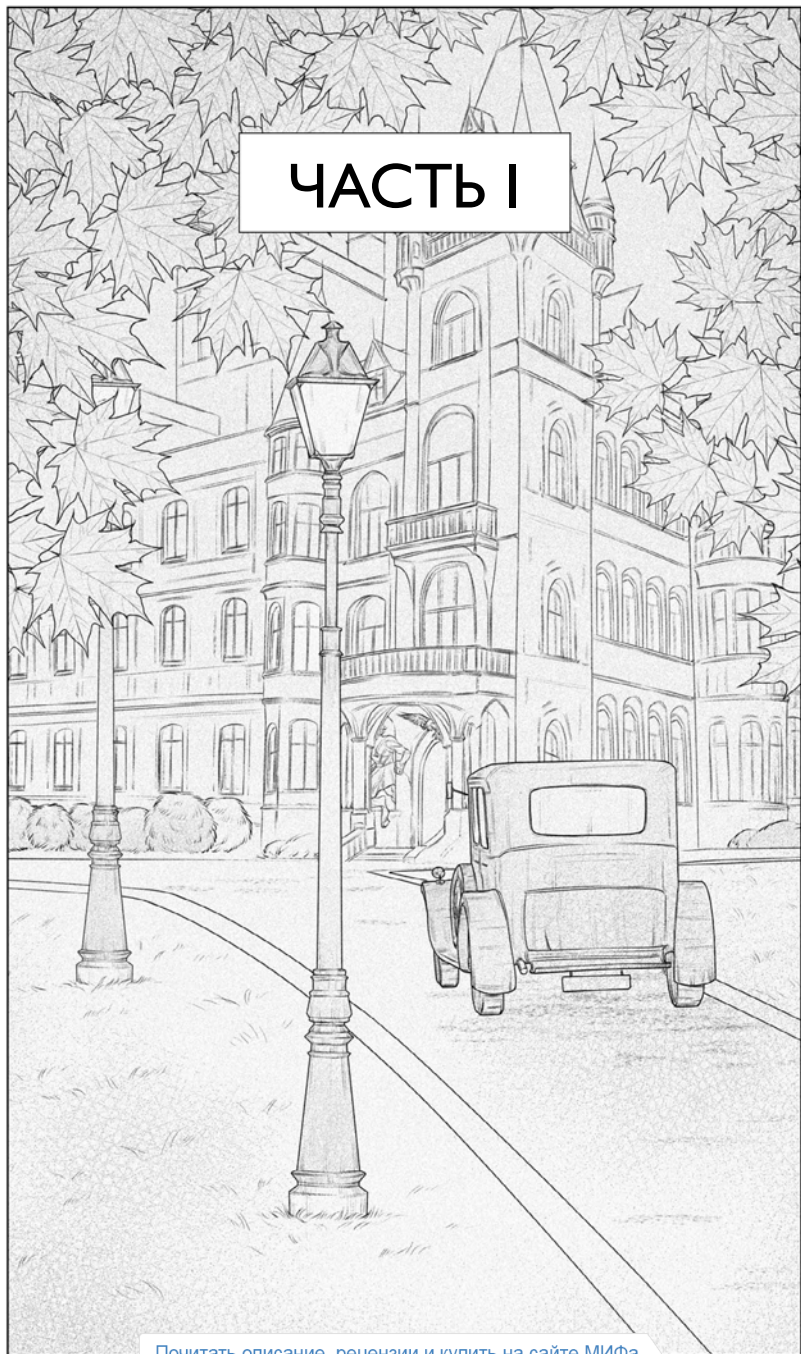
Она разворачивается и уходит — на этот раз окончательно. Сипти еще какое-то время сидит на скамейке, к которой постепенно возвращается влажная прохлада. Встает, чувствуя, как скрипят суставы, как напрягаются мышцы даже от простых движений. Смотрит в ту сторону, куда ушла Джабел, но ее уже нет — только темнота да спящие дома.

Он вздыхает, думая обо всех тех годах, что провел здесь, вдали от родных, от дома, от всего, что было ему дорого, а потом закидывает голову и смотрит в небо.

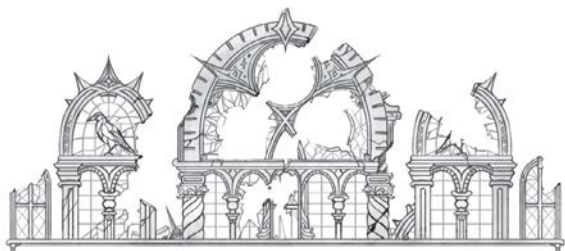
— Зато здесь есть луна, — шепчет он сам себе. Улыбается и прикрывает глаза, наслаждаясь ощущением серебристого света на лице.

ЧАСТЬ I

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

1

Жизнь — вещь непредсказуемая.

Вот машина с маленькой семьей — мама, папа и двенадцатилетняя дочь — едет по шоссе, возвращаясь в город после выходных. Дождь льет стеной, а в машине тепло и сухо, и барабанившие по крыше и стекающие по стеклу окон капли только усиливают ощущение уюта. Девочка на заднем сиденье отрывает взгляд от телефона, пытается разглядеть дорогу через лобовое стекло, но дворники не справляются, видимость почти нулевая, и она возвращается к чтению ленты новостей.

Раз.

Два.

Три.

Визг тормозов.

Мать вытягивает руку назад, пытаясь закрыть глаза дочери, чтобы та не видела несущуюся на них фуру и ужас на ее собственном лице.

Отец впивается побелевшими пальцами в вывернутый руль, пытаясь увести машину на другую полосу.

Удар.

Скрежет. Столь громкий, что заглушает играющую в наушниках девочки музыку, заглушает шум ливня за окном, заглушает весь мир вокруг, и не остается ничего, кроме этого скрежета.

Потом были взволнованные голоса и внимательные взгляды взрослых в униформе — врачей, спасателей, пожарных, — долгое и бессмысленное ожидание в машине скорой помощи, пока доктора осматривали ее, стремясь убедиться, что им не показалось: девочка действительно отделалась лишь шоком и несколькими царапинами.

Она смотрела в одну точку, когда ей светили в глаза фонариком, когда поворачивали, попутно задавая вопросы, стараясь добиться хоть какого-то ответа, — до тех пор, пока не заметили на безвольно лежащей на коленях руке специальный браслет.

Она смотрела в одну точку и пыталась не видеть, как все не стихающий ливень старается и не может смыть с асфальта алое пятно крови.

Смотрела в одну точку, пока ее везли в больницу, пока там новые врачи повторяли прежние действия, пока сидела на кушетке, словно провалившись в вакуум реальности, откуда-то издали слыша чужие голоса и трели телефонных звонков. Пока в ее ушах все еще стоял этот невыносимый скрежет.

Молодой врач, взяв за руку, словно маленького ребенка, вывел ее из палаты и усадил в кресло рядом с постом медсестры. На секунду замешкавшись, будто надеясь в последний момент найти кого-то, кто займет его место, он все же опустил перед ней на корточки. С трудом подбирая слова, сообщил, что скоро приедут люди из соцслужбы, что она не останется одна.

На этой фразе она подняла на него взгляд и посмотрела прямо в глаза. Зрачки за стеклами очков дрогнули, взгляд врача перескочил с левого ее глаза на правый и снова на левый, словно удостовераясь, что ошибки нет и они действительно разного цвета. Он замолчал на полуслове,

вздыхнул, повторил, что ему очень жаль, и ушел, испытывая искреннее облегчение оттого, что этой девочкой теперь займется кто-то другой.

Она сидела, смотрела в одну точку и катала в мыслях слово «сирота». Оно всплыло само, откуда-то из подсознания, будто жило там всегда и лишь ждало момента, когда понадобится, и вот теперь появилось — серое, как застиранная футболка, перекрученное, пронизанное сквозняками.

Коридор — казенный оттенок голубого на стенах, лампы дневного света на потолке, белый кафель на полу. Запах антисептика в воздухе, гул посторонних голосов.

— Ты Лилиан, Лилиан Томпсон? — Медсестра, Роберта, судя по бейджику, встала рядом и, помолчав секунду, поставила на соседнее кресло бумажный стаканчик с мутной коричневатой жижей. — Это какао. — Она замялась на мгновение, не зная, что еще сказать, и добавила: — Иногда от теплого питья становится легче.

«Боже, ну я же не простыла!» — подумала Лилиан, поднимая глаза на Роберту и устало отмечая привычное движение ее взгляда. Ей подумалось, что мама бы оценила всю глупость и бестактность, присущую людям, но следом из вязкого тумана, царящего в ее сознании последние часы, проступила мысль: «Мамы больше нет», — и Лилиан задохнулась.

Простая истина — родителей больше нет, родители мертвы — то всплывала в ее мозгу, то уходила куда-то в темные глубины сознания, позволяя обращать внимание на всякие ненужные мелочи. Обертка от конфеты скользит по кафелю коридора, подгоняемая сквозняком от постоянно открываемой двери; голубая краска на стене облупилась около туалета — видимо, по ней постоянно ударяют ручкой, выходя; лампа дневного света мигает раз в десять секунд.

Лилиан медленно вдохнула, вцепившись пальцами в край сиденья. Она чувствовала, как что-то огромное внутри нее

нарастает, режет внутренности, раздувается, становясь все больше и больше, крошит кости, дробит мысли, и знала, что, когда это что-то вырвется наружу, она уже не сможет с ним совладать, и слезы польются ручьем, и им не будет конца — но пока упрямо сопротивлялась, сама не зная зачем.

Она не плакала в салоне искореженного автомобиля, откуда ее вырезали спасатели, не плакала в машине скорой помощи, не плакала в палате — не заплачет и из-за чашки водянистого какао.

Юридически она не была полной сиротой: где-то за много километров отсюда существовали родители ее отца, Генри, переставшие общаться с сыном после его женитьбы. Отец Лилиан происходил из «приличной семьи», и достойных Томпсонов не устроил его брак с «чернявой бродяжкой», никогда не говорящей о своих родителях. Не смягчило их и рождение внучки, а уж когда они узнали о ее «особенностях», то не поскупились на красноречивые комментарии.

Текли минуты — звенел телефон, уходила и возвращалась Роберта, периодически пытаюсь о чем-то заговорить с Лилиан, перегнувшись через стойку сестринского поста; перепрыгивала на следующее деление прямоугольная стрелка на круглых часах, висящих на стене; ходили мимо люди, чей мир не изменился этим утром, не рухнул, не рассыпался осколками стекла.

Остывало нетронутое какао.

Лилиан сидела, вцепившись пальцами в край кресла, и смотрела в одну точку, пытаюсь не видеть сквозь чистый белый кафель алую лужу на асфальте, по которой бьют тугие струи дождя.

— Я пришел за девочкой.

Голос, низкий и густой, прокатился по коридору, каким-то образом заглушая все остальные звуки, подобно тому как набежавшая волна смывает следы с песка.

Лилиан повернула голову.

Напротив Роберты, будто разом заняв все свободное пространство, несмотря на средний рост и худощавое телосложение, стоял мужчина.

На вид ему было лет шестьдесят, гладкие черные волосы с намечающимися залысинами убраны в низкий хвост, на висках серебрится абсолютная седина. Он стоял к Лилиан в профиль, и она скользнула взглядом по крупному орлиному носу и твердой линии губ, придающих ему властный вид. Смуглая кожа лица испещрена глубокими морщинами, однако не наводящими на мысли о старости или немощности. Большие черные глаза требовательно впились в медсестру, которая невольно попятилась под этим прямым взглядом, рассматривая странного посетителя. Лилиан, на одну благословенную секунду забыв о событиях этого дня, подалась вперед, разглядывая одежду незнакомца.

Расстегнутый черный камзол являл миру темно-фиолетовую жилетку, надетую на черную рубашку с расстегнутым воротом, которая заканчивалась черным же шейным платком с серебристо поблескивающей брошью. Черные брюки опускались на сверкающе-черные ботинки, а рядом с ними в пол упиралась эбеново-черная трость с навершием в виде серебряного черепа какой-то птицы. Мужчина слегка опирался на нее длиннопалой рукой с выступающими венами, пропуская клюв между пальцев; на безымянном блеснул перстень с зеленым камнем.

Медсестра, чуть приоткрыв рот, изучала новоприбывшего с нескрываемым удивлением, и он, видимо раздосадованный ее молчанием, медленно выдохнул, отчего его хищные ноздри чуть дрогнули.

— Я. Пришел. За девочкой, — повторил мужчина отдельно, будто разговаривая с неразумным ребенком. — Где она?

Роберта мотнула головой, словно пытаясь прогнать наваждение, и растянула губы в дежурной улыбке.

— За какой девочкой, сэр? Как вас зовут? Можно увидеть ваши документы?

— Меня зовут Джеймс Кроу, — произнес мужчина со спокойным достоинством человека, чье имя открывает любые двери. Вопрос про документы он проигнорировал. — И я пришел за Лилиан Томпсон.

Брови Роберты взмыли вверх, к прямой темной челке, и она посмотрела на замершую от удивления Лилиан. Джеймс Кроу, проследив за ее взглядом, тоже повернулся к ряду кресел.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Джеймс — разглядывая ее, но без праздного любопытства, к которому она уже привыкла, а скорее с долей усталого интереса. Лилиан — пытаясь вписать этого странного мужчину в окружающую реальность.

Он привычным движением упер перед собой трость, сложил на нее руки и коротко вздохнул.

— Ты пойдешь со мной?

Лилиан моргнула. Ее родители вели довольно уединенный образ жизни: в почтовом ящике появлялись только счета, по телефону звонили только с работы, и она не знала никого с таким именем. И все же...

Хлопнула входная дверь. Порыв воздуха прокатился по коридору, взметнул полы черного камзола, тронул тонкие пряди волос у лица Лилиан, обдавая ее запахом свежести после отшумевшего ливня и почему-то соли.

Что-то непонятное колыхнулось в ее сознании, и неожиданно для себя она кивнула.

— Я ее забираю. — Джеймс обернулся к Роберте с таким видом, будто пришел выбрать племенную кобылу и общал, что этот жеребенок ему подходит.

— Нет, так не делается. — Медсестра нервно заправила за ухо прядь темных волос, отпрянула, словно пытаясь оказаться подальше от этого человека. — Есть документы, бумаги, ее отправят к родственникам...

— Я и есть ее родственник, — спокойно оборвал ее Джеймс, — и все подпишу. — Он небрежно махнул рукой, словно давая понять, что это не стоит ему никаких усилий.

Роберта моргнула. Потом еще раз. Лилиан, подавшись вперед со своего места, с удивлением наблюдала, как пухлогубый рот медсестры чуть приоткрылся, а взгляд стал мутным и сонным.

— Х-хорошо... — проговорила она тусклым голосом, глядя куда-то мимо Джеймса, который неотрывно смотрел на нее, чуть наклонив голову вперед. — Б-бумаги...

— Не нужны, — спокойным, чуть скучающим тоном закончил за нее Джеймс.

Когда Роберта, опустив голову так, что волосы скрыли лицо, уткнулась остекленевшим взглядом в лежащие на столе больничные карты, он вновь повернулся к Лилиан:

— Идем?

Шагая рядом с ним в сторону выхода, Лилиан поняла, что еще удивило ее в Джеймсе: он оказался единственным, чей взгляд не метался по ее лицу, кто не обратил внимания, что глаза у нее разного цвета.

Двери больницы выдохнули их на улицу, в по-вечернему шумный город. Больницу они покинули просто и быстро, никто даже не взглянул на мужчину в черном камзоле, никто не спросил, куда он ведет девочку в сиреновой толстовке, держащуюся от него на некотором расстоянии и смотрящую себе под ноги.

Красные лучи солнца отражались от окон окружающих небоскребов, бросали блики на стены зданий, слепили зайчиками спешащих домой людей, которые торопились вернуться к своим семьям.

Лилиан по привычке задумалась о времени, прикидывая, когда отец вернется с работы, — и горло сжалось, а глаза защипало.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

